

ЕЛЕНА ВЛАДИМИРОВНА БЕЛЯКОВА*

**«От того Божии гнев на нас и многие казни и последний суд»
(к проблеме осмысления кризисных ситуаций
в православной книжности)¹**

BELYAKOVA, E. V.: „That is why the wrath of God came on us, as well as many executions and the last judgment” (to the issue of comprehending crisis situations in the Orthodox scholarship). *Slavica Slovaca*, 56, 2021, No 3, pp. 420-427 (Bratislava).

The article deals with the theme of God’s punishments in the Old Russian written culture, which combines archaic and Christian perceptions. Shown are *topoi* as common places that pass from one text to another. The texts assert that “God’s wrath” comes for non-observance of the commandments, while the punishment befalls not individuals, but the whole Earth. The Earth is punished by God also for the rulers’ sins. From the Byzantine literary tradition came the theme of the episcopate’s guilt for not keeping the commandments, which was included in the Commandment to the Bishops in the *Kormčaja* of the Russian handwritten version and in the printed one. In the teachings of the episcopate about calamities, there was a constant call to repentance, while in practice there was often a search for the guilty. In the 16th century, the authorities began to apply strict quarantine measures, which were not reflected as a part of cultural tradition and actually contradicted conventional perceptions. The teachings by Patriarch Joseph and Patriarch Nikon about the pestilence demonstrate different ways of approaching this subject.

„God’s wrath”, *topoi* of Old Russian written culture, *Kormčaja*, episcopate, Bishop Serapion of Vladimir, patriarchs Joseph and Nikon.

Для средневековья «кризисные состояния»: «глад, губительство, трус, потоп, огонь, меч, междоусобные брани» – это почти повседневность. Прошения об избавлении от этих напастей постоянно звучат во время православных богослужений. В славянской православной традиции сложились определенные стереотипы восприятия этих бедствий. Неоднократно воспроизводимые в литературных памятниках, они выражают сложный сплав архаичного и христианского сознания.

Кризисные состояния воспринимались в первую очередь как «казни Божии». Этому немало способствовали тексты Ветхого Завета. Для христианского сознания с его представлением о Боге, «не желающим смерти грешников», возникает определенное противоречие в объяснении происхождения зла и Божьего всемогущества («теодицея») и появляется фигура дьявола, понимаемого как источник зла в Божьем мире. Неслучайно на Балканах богомилство с его четким представлением о дьяволе как источнике зла получило широкое распространение и отразилось в фольклоре.²

* Белякова Елена Владимировна, кандидат исторических наук, Институт Российской истории Российской Академии наук. Российская Федерация, 117292, г. Москва, ул. Дмитрия Ульянова, д. 19, Российский Государственный Гуманитарный Университет, 125047, ГСП-3, Москва, Миусская площадь, д. 6.

¹ Работа над темой проводилась в рамках проекта, финансируемого РНФ, грант № 20-18-00218.

² Гечева, К.: Богомилство и негово то отражение в средневековна христианска Европа. Библиография. София: Издателство «Гутенберг», 2007. 389 с.

Возникшие в начальную эпоху славянской книжности тексты, трактовавшие Божии наказания, не только неоднократно воспроизводились, но и перешли в литературу нового времени. В одном из древнейших славянских поучений к священникам – Заповеди Иоанна Златоуста о законе церковном³ говорится о необходимости священникам следить за тем, чтобы паства приходила к церквам, чтобы не вызывать Божий гнев: «Иже не приходит къ святей церкви и не чюет святого Евангелия и не почитает святых икон и книги и праздник святых, разгневается се на нь Бог и вса злаа наведет на нь. Аще ли се поменеть и проиходить въ церковь и почитает слугы Божие и Бог умилосердится на нь и обогатеет и душа его спасет се, и не боится диавола», т.е. посещение церкви трактовалось как способ отвратить Божьи казни.

Статья «Слово о ведре и казнях Божиих» вошла в состав славянского «Златоструя», создание которого связано, согласно «Прилогу» к спискам пространной редакции, с болгарским царем Симеоном.⁴ «Слово о ведре и казнях Божиих» имеет своим прообразом «Слово Григория Богослова о избиении градом». В «Слове о ведре» говорится о живущих в беззаконии, «не помышляющи казни Божия, яже на ны по вся дньи приходят за грехи наша ведром, градъм, гладомъ, моръмъ, бользньми, ратьми, напастьми». Этими казнями Бог «обращает ны к себе», т.е. Божии казни должны напомнить о вечных муках и заставить людей остановить беззакония. Как предполагал А. А. Шахматов, этот текст был переработан пр. Феодосием Печерским в Поучение и использован в известной летописной статье ПВЛ под 1068 г.⁵

В летописи статья была значительно отредактирована, в ней прозвучала не только тема Божьих казней, но и тема земли: «Наводит Бог по гневу своему иноплеменики **на землю**, и тако скрушенным им вспомянуться к Богу; усобная же рать бывает от сважения дьяволя. Бог бо не хочет зла въ человецех, но блага, а дьявол радуется злomu убийству, кровопролитью, въздвизая свары, зависти, братоненавидения, клеветы. Земли же согрешивши которой любо, то казнит Бог смертью, или гладом, или наведениемъ поганых, или ведром, или гусеницею, или инеми казньми Аще ли покаавшеся будемъ, в немже ны Бог велитъ быти, глаголетъ бо намъ пророкомъ: «Обратитесь ко мне всимъ сердцемъ вашим, постом и плачемъ».⁶ В древнерусском летописном тексте появился новый образ «согрешающей земли». Земля – это не только место жительства, это и тесно связанное с ней сообщество проживающих на ней людей. Человек сам часть земли в разных измерениях: «Земля еси и в землю отъидеши» (из канона на погребение). Епископ Владимирский Серапион (1274–1275) в проповеди в связи с землетрясением писал, что «земля, от начала утверждена и неподвижима, повелениемъ Божиимъ ныне движеться, грехы нашими колеблется, безаконья нашего носити не можетъ».⁷

Тема Божьих казней пронизывает древнерусские тексты конца XIII в., в них повторяется мысль о том, что к бедствиям приводит несоблюдение Божьих заповедей. Послание Киевского митрополита Кирилла (Постановление собора 1273 г.) и послания Серапиона Владимирского воспроизводят одни и те же топоры:

³ Jagić, V.: *Sitna gradja za crkveno pravo*. In: *Starine*, 1874, 6, с. 147–151; Белякова, Е. В.: Заповедь Иоанна Златоуста о законе церковном (к проблеме распространения канонических памятников). In: *Stephanos*, 2020, Vol. 41, № 3, с. 27–33.

⁴ Савельева, Н. В. – Турилов, А. А.: *Златоструй*. In: *Православная Энциклопедия*. Т. 20. Москва: 2009, с. 196–198.

⁵ Шахматов, А. А.: *Повесть временных лет и ее источники*. In: *Труды Отдела древнерусской литературы*. 1940, т. 4, с. 104–111.

⁶ Лаврентьевская летопись. Полное собрание русских летописей [ПСРЛ]. Т. 1. Москва: 1997, с. 167.

⁷ «Слова» Серапиона Владимирского. In: *Памятники литературы Древней Руси. XIII в.* Москва: «Художественная литература», 1981, с. 440.

Митрополит Кирилл ⁸	Серапион Владимирский ⁹
<p>Кый убо прибыток наследовахом, оставльше Божия правила? Не расея ли ны Бог по лицу вся земля? Не взяти ли быша грады наши? Не падоша ли сильные наши князи острием меча? Не поведени ли быша в плен чада наша? Не запустеша ли святыя божия церкви? Не томими ли есмы на всяк день от безбожных и нечистых поган? Си вся бывают нам, зане не храним правил святых наших и преподобных отец</p>	<p>Чего не приведохомъ на ся? Какія казни от Бога не въсприяхом? Не плѣнена ли бысть земля наша? Не взяти ли быша грады наши? Не вскорѣ ли падоша отци и братья наша трупиємъ на земли? Не ведены ли быша жены и чада наша въ плѣнь? Не порабощени быхомъ оставшеи горкою си работою от иноплеменикъ? Се уже к 40 лѣтъ приближаетъ томление и мука, и дане тяжкыя на ны не престануть, глади, морове живот наших, и в сласть хлѣба своего изъѣсти не можем, и въздыхание наше и печаль сушать кости наша.</p>

Тема наказаний проходит через все послания епископа Серапиона: «Что потом бысть намъ? Не глад ли? не морови ли? не рати ли многыя? Мы же одинако не покаяхомся, дондеже приде на ны язык немилостив попустившио Богу; и землю нашу пусту створша, и грады наши плениша, и церкви святыя разориша, отца и братью нашу избиша, матери наши и сестры в поруганье быша».¹⁰

В это же время в Кормчие русской редакции была включена и Заповедь епископам, которая почти целиком составлена из строк, заимствованных из 137 новеллы Юстиниана (87 глава из Собрания в 93 главах).¹¹

Глава 87 (новелла 137) ¹²	Заповедь епископам о хранении церковных правил ¹³
<p>Хранящии бо священныя каноны владыки Бога помощи съподобляются и си я преступающее сами себе в осужение влагаютъ.</p> <p>Большому же повинни осужению преподобнии епископы, имъ же поручено бысть искати каноны и хранити</p>	<p>Храняще бо священныя каноны, владыки Бога помощи сподобляются, сия ж преступающе, в конечное осужение себе влагаютъ.</p> <p>Божественом бо правилом не схраняемом, различна преступленья бывають: от того Божии гнев на нас и многыя казни и последний суд.</p> <p>Тому же всему повинни суть святители, не бдяще, ни стрегуще винограда, еже есть церкви.</p>

⁸ Русская Историческая Библиотека [РИБ]. Т. 6, № 6, Санкт-Петербург, 1908, с. 86.

⁹ «Слова» Серапиона Владимирского..., с. 444.

¹⁰ «Слова» Серапиона Владимирского..., с. 440.

¹¹ Белякова, Е. В.: К вопросу о судьбе Собрания Новелл Юстиниана в 93 главах в составе славянских Кормчих. In: Russica Romana, 2010, vol. XVII, с. 39-41.

¹² Бенешевич, В. Н.: Древнеславянская Кормчая XIV титулов без толкований. Т. 1. Санкт-Петербург, 1907, с. 796.

¹³ РИБ. Т. 6. № 6, с. 127-128.

Слова о **Божием гневе и многих казнях** отсутствуют в тексте новеллы и являются дополнением русского редактора. Ответственность епископов за сохранение канонів и Божий гнев за несоблюдение канонів оказались тесно связанными в русской книжности.

Необходимо отметить, что Заповедь епископам стала важной составляющей всех Кормчих русской редакции (в Варсонофьевской она встречается два раза, в Софийской редакции – 3 раза). Она вошла и в Печатную Кормчую, хотя отсутствовала в основном протографе – Кормчей Даниловской редакции (ГИМ, Воскр. 28).¹⁴ Включение Заповеди в состав Печатной Кормчей 1653 года обеспечило этому тексту широкую известность и в новое время.

Тема казней от Бога за нарушение канонів звучит и в послании монаха Акиндина, датированном 1312–1315 г. и обращенном к тверскому князю Михаилу Ярославичу: «Разумей боголюбче, державный княже, яко преслушания ради божественных номоканон святых апостол и сборных отеческих вся злая приходять на ны. Не падоша ли силнии наша и ереви наша остреем меча? Не преданы ли быша в полон чада наша в скверней руце? Не осквернена ли быша святая наша в опустение? Быхом в смех и поругание живущих окрест нас языком». ¹⁵ Монах Акиндин добивался суда над митрополитом Петром, обвиняя его в симонии.

Несмотря на призывы воспринимать мор как «Божие наказание» и очищать душу от грехов, как наставлял псковичей митрополит Фотий в 1426 г.,¹⁶ в кризисных ситуациях начинался поиск виноватых в нарушении Божиих законов. В одном поучении упомянутого выше епископа Владимирского Серапиона осуждаются расправы народа над «волхвующими», которых бросали в воду в качестве испытания. В другом он возмущался попытками «утопла или удавленника выгрести». Этим языческим расправам противопоставляется покаяние: «Сим ли Божию казнь хотите утишити? Лучши, братья, престанем от зла, лишимся всех дел злых: разбоя, грабленья, пьянства, прелюбодейства, скупости, лихвы, обиды, татбы, лжива послушства, гнева, ярости, злопоминанья, лжи, клеветы, резоманья. Аз бо грешный всегда учю вы, чада, велю вам каятися».¹⁷

В древнерусских текстах звучит и тема наказания земли за грехи правителей. Самым выразительным является «Слово Святого Василия о судиях и властелях»: «Един тать на всю страну мрзить. Царь не праведен, все слугы под ним безаконны суть».¹⁸ В «Поучении епископлє всем христолубивым князем и всем правоверным християном и боголюбивым»,¹⁹ построенном на новом переводе текста 88 новеллы, обличение правителей занимает существенное место, приводятся слова пророка Михеи: «Судии емлют, князь грабить и изыдаеть. Сильный сокрушаеть немощнаго, заступающего несть».²⁰ Власти обвиняются в том, что от других стран восприняли злые обычаи: «мы же и закон истинн от Бога приимше, розных стран безаконии осквернихомся, обычаи зла от них приемше <...> Виною наша похоти обычаи, еже к ним казнит нас Бог». Обвинение возводится не на чужие страны, а на совершаемый грех: «Не есть кто винен злу, находящему на ны, но един грех и безумие наше».

¹⁴ Белякова, Е. В. – Мошкова, Л. В. – Опарина, Т. А.: Кормчая книга: от рукописной традиции к первому печатному изданию. Москва – Санкт Петербург: Центр гуманитарных инициатив, 2017, с. 210-211.

¹⁵ РИБ, т. 6, № 16, с. 157.

¹⁶ РИБ, т. 6, № 53, с. 469-470.

¹⁷ «Слова» Серапиона Владимирского..., с. 454.

¹⁸ ГИМ, Чуд. 167, Л. 456. О «Слове»: Ржига, В. Ф.: Опыты по истории русской публицистики. In: Труды Отдела древнерусской литературы, 1934, т. 1, с. 43-46.

¹⁹ РИБ, т. 6, № 123, с. 845-856.

²⁰ РИБ, т. 6, № 123, с. 856.

Во время мора и бедствий многие пытались подготовить себя к смерти. В эту подготовку входил монашеский постриг и завещание имения монастырям. Об этом свидетельствует псковская летопись под 1352 г.: «Мнозе идяхоу в монастыри, или мужи или жены, и постризахуся во мнишеский чин и аггельскому образу сподобляхуся, тела и крови Христови причастившеся, и таки въ добре исповедании преставляхуся от всея временныя жизни на он вечный свет к Богу».²¹ О массовом пострижении во время мора писал и митрополит Фотий в упомянутом выше послании. Для прекращения мора, чтобы утолить Божий гнев, возводили в один день «по многим местом» обетные церкви,²² чтобы утолить Божий гнев.

В позднее средневековье и раннее новое время, когда бедствия в стране продолжались, сложившиеся концепты их объяснений не только воспроизводились, но и становились уже предметом обсуждения и споров. Так, причиной казней, наводимых на землю, по-прежнему считались грехи правителей. Иосиф Волоцкий в послании архимандриту Андрониковскому Митрофану утверждает: «Занеже, господине, за государское согрешение, Бог всю землю казнит».²³ Эта же тема обсуждалась Иваном Берсенею и Максимом Греком, что выяснилось уже на суде. «Да Максим жо сказывает: да Берсень жо, господине, мне говорил: «Максим господине, ведаешь и сам, а и мы слыхали у разумных людей: которая земля переставливает обычи свои, и та земля недолго стоит; а здесь у нас старые обычи князь велики переменял, ино на нас которого добра чаяти?» И яз Максим Берсеню молвил: «Господине, котораа земля преступает заповеди Божьи, та и от Бога казни чает...».²⁴

В Никоновской летописи утверждалось, что все казни от Бога для того, чтобы привести людей к покаянию: «Милосердый Богъ паки возвращаше тварь свою на покаяние гладом, мором, нашествием иноплемненных, мразом, громом, мльниачи, сухмени, дожди велицыи; паче бо всего любит и желает спасения человеческого».²⁵

Успешные действия русского войска против Казанского ханства и удачное строительство крепости Свияжска в 1551 г. сменилось мором среди войска. По этому поводу митрополит Макарий написал послание воеводам, объясняя, что гнев Божий вызван безобразиями, творящимися в войсках: «Зрите и разумеите мечь и ярость гнева Божия: колко множество человеческое различными страстьми и казньми и смертоносием и потоплением в нынешнее время скончаваются вас. И аще о сем не уцеломудритесь, и впредь которые милости от Бога чаете? Но молю всех от всея души со слезами: престаните от такового злаго обычая! Или не весте, не сиа ли ради блудные страсти и многа нечестия и законопреступления Божия наведе Бог потоп на вселенную и землю Содомскую и Гоморскую <...>. А вы, о чада мои, честнии велможи и вси подручнии вам, аще будет хто в вас такова творящее, не тако ли Божий гнев наводит на себе и не уже ли начинаеца».²⁶

В апреле 1547 г. в Москве был страшный пожар, уничтоживший значительную часть города. Летописец объяснял это традиционно: «Сие бысть грех ради наших, в наказание нам от Бога послася, за умножение наших согрешений не пощади Бог толико множество святых церквей и образов святых своих; Божиим гневом сие бысть огненное пламя. В един час многое множество народу згореша. 1700 мужеска полу и женска и младенец,

²¹ Псковская 1-я летопись. Архивский 1-й список. In: Псковские летописи. Вып. 1. Москва: Издательство АН СССР, 1941, с. 21.

²² См. напр. Никоновскую летопись под 1417 г.: ПСРЛ, т. XI. Москва, 2000, с. 233.

²³ Послания Иосифа Волоцкого. Подготовка текста А. А. Зимина и Я. С. Лурье. Москва – Ленинград: Наука, 1959, с. 176.

²⁴ Акты археографической экспедиции, т. 1. № 172. Санкт Петербург, 1838, с. 142.

²⁵ ПСРЛ, т. XI, с. 233.

²⁶ ПСРЛ, т. 13, с. 182.

множество греша народа по Тверской улице, и по Дмитровке, и на Большом посаде, по Ильинской улице, в садах. Сия вся наведе на ны Бог грех ради наших, понеже множеством съгрешихом и беззаконовахом. Бог же праведным своим судом приводяй нас на покаяние, ово убо пожаром, ово убо голодом, ово же убо ратных нахождением, ово убо мором».²⁷ Страшное бедствие вызвало поиск виновных и жестокую расправу над ними. 26 апреля толпа убила Юрия Глинского, так как его обвинили в поджоге: «Того же месяца 26 в неделю, в пятый день после великого пожару черные люди града Москвы от великия скорби пожарные въсколебашася, яко юроды, и пришедшее в град и на площади убиша камением царева великого князя Юрья Василиевича Глинского и детей боярских многих побиша, а людей княже Юрьевых безчисленно побиша и живот князей разграбиша, ркуще безумием своим, яко «вашим зажиганием дворы наши и животы погореша».²⁸

С начала XVI в. в Московской Руси начали применять меры против мора, «внутренние карантинны», состоявшие в том, что людям не давали покинуть зараженное место.²⁹ Эти меры вызывали протест как противление Божьей воле, о чем свидетельствует послание старца Филофея дьяку Михаилу Мунехину, датированное издателями 1510–1519 г.: «вы ныне пути заграждаете, дома печатлесте, попом запрещаете к болящим приходитьи, мертвых телеса из града далече измещете». Старец приводил слова из упоминавшегося послания митрополита Фотия, о том, что Божий гнев может утишить только покаяние, и утверждал, что «аще бы от человек сия злоба была, всяко могли противитися ей, аще ли от Бога, то всуе труждаемся противящися Божию повелению».³⁰ Особенный страх вызывал запрет на последнее посещение умирающего его духовным отцом, что закрывало человеку надежду на спасение.

О новых тенденциях в понимании бедствий свидетельствуют сообщения о «лихом поветрии» 1567 года: «Лета 7075 сентября в 1 день в Можайску на Добрейском яму явилось лихое поветрие: умирали люди знаменем. И государь царь и великий князь заставу и сторожу велел того места учинити крепкую, ис тех мест никаких людей к Москве и в Московские города пропускати не велел и Божиим милосердием того же лета в тех местех то лихое поветрие утишилося».³¹

В летописном сообщении не было никаких указаний на Божий гнев, а была сделана попытка назвать болезнь и были указаны предпринятые меры против распространения болезни: не выпускать людей из мест, где распространилось поветрие. Ограничительные меры становились все более устрашающими и были направлены не только против носителей болезни, но и священников, смевших причащать умиравших. Как сообщает Новгородская вторая летопись, в 1572 г. в Новгороде людей «со знаменем смертоносия» «у церкви погребати не велети ... И поставили заставу по улицам и сторожеи, в которой улице человек умереть знаменем и те дворы запирали и с людми кормили техъ людей улицею. И отцем духовным покаивати техъ людей знаменных не велели, а учнеть которые свещеник техъ людей и каяти, бояр не доложа, ино тѣхъ священников велѣли жеци с теми же людми з болными».³² Такое распоряжение о сжигании духовных отцов вместе с больными могло

²⁷ ПСРЛ, т. 13, с. 154.

²⁸ ПСРЛ, т. 13, с. 154.

²⁹ Васильев, К. Г. – Сегал, А. Е.: История эпидемий в России. Москва: Государственное издательство медицинской литературы, 1960, с. 41.

³⁰ Дополнения к Актам Историческим. Санкт Петербург: Археографическая комиссия, 1846, т. 1, с. 20.

³¹ ПСРЛ, т. XIII, с. 404.

³² Владимирский Летописец. Новгородская Вторая (Архивская) летопись. ПСРЛ, т. 30, с. 159.

появиться только в страшные времена опричнины, когда бессмысленные казни следовали одна за другой.

В XVII в. смертной казнью грозили всем, кто пытался покинуть город во время мора.³³

В 1642 г. в Москве был издан сборник поучений патриарха Иосифа. Это было первое издание поучений действовавшего патриарха.³⁴ Текст Иосифа носил компилятивный характер: он был составлен почти целиком из Поучений к священникам, включенных в Кормчие, а также содержал «Слово о судиях и властелях». Поэтому в сборнике патриарха Иосифа представлены все топоры, относящиеся к Божьему гневу, известные по ранним Кормчим. Так, в них утверждалось, что «недостойнство бо иереиское паче всего сводит на люди гнев Божий» и только соблюдение заповедей может умиловить Бога: «аще сие сохраните... и молитва Ваша услышана будет от Бога и земли нашей от иноверных бесерменских стран брань облегчится и милость Божия на вся страны русския земли умножится, и пагуба и тли и плодом и скотом престанут, и гнев Божий утолится».³⁵

В 1654–1655 г. в Москве была страшная эпидемия чумы. Царь в это время находился в военном походе, патриарх Никон вывез царскую семью из Москвы. Были приняты меры, запрещавшие выезд из Москвы.³⁶ В связи с этими событиями патриарх Никон издал «Слово на моровое поветрие». В отличие от Сборника слов патриарха Иосифа в Слове патриарха Никона не использовались известные древнерусские компиляции на эту тему и это делало текст менее узнаваемым и менее выразительным для читателя, хотя он содержал множество цитат из Ветхого Завета и святых отцов, в частности, был приведен большой фрагмент из ответов Афанасия Александрийского, объясняющий происхождение морового поветрия. Ситуация принимала драматический характер и осложнялась тем, что патриарха Никона обвиняли в том, что моровое поветрие произошло из-за его действий, о чем он и писал в Слове: «А еже в таже мимошедшая лета и моровое поветрие мнози купно и особь собирающиеся о нас глаголаху неподобная, и грехи наша поминающе, их же точию не содеяхом». Отъезд с царской семьей из Москвы также ставили патриарху в вину. В самом начале слова патриарх Никон писал о неясности причин происхождения мора: «От чего, то един Бог Святыи вест и никому о сем знати не належит, разве еже глаголати, яко не бывает злоба, сиречь скорбь, ни во граде, ни в селе, аще не Господь попустит, еже глад, губительства, недуги, и язвы, и иная, о них же много zde писати не належит». Патриарх доказывал, что нет греха в том, что он покинул Москву, потому что «от губительства бежати не точию несть грех, но и воли Божия исполнение». Он призывал людей не искать виновных моровому поветрию, не верить лжепророкам, не судить других, а каяться в собственных грехах, ходить на исповедь, причащаться.³⁷

³³ Васильев, К. Г. – Сегал, А. Е.: История эпидемий в России..., с. 75.

³⁴ Голубцов, А. П.: Вступление в патриаршество и поучение к пастве Иосифа, патриарха Московского. In: Прибавление к Творениям св. Отцов, ч. 42, кн. 4. 1888, с. 344–381; Булычев, А. А.: Поучение на «моровое поветрие» патриарха Иосифа. In: Литература Древней Руси: Источниковедение. Ленинград, 1988, с. 187–196; Баранкова, Г. С. – Белякова, Е. В.: Влияние византийских канонических и учительных текстов на славяно-русскую литературную традицию. In: Традиции и инновации в истории и культуре: программа фундаментальных исследований Президиума Российской академии наук. Москва: Отделение историко-филологических наук РАН – Институт этнологии и антропологии РАН, 2015, с. 464.

³⁵ Иосиф, patr.: Поучение великаго господина святейшаго Иосифа патриарха Московскаго и всея великия Руси архiereом, и священноиноком и мирским иереом и всему священному чину. Москва, 1642, л. 14–14 об.

³⁶ Высоцкий, Н. Ф.: Чума при Алексее Михайловиче 1654–1655. Казань: Типография Императорского университета, 1879, с. 6; Васильев, К. Г. – Сегал, А. Е.: История эпидемий в России..., с. 75–78.

³⁷ Патриарх Никон: Труды. Научное исследование, подготовка документов к изданию, составление и общая редакция В. В. Шмидта. Москва: Издательство Московского университета, 2004.

Подводя итог, можно отметить, что трактовка разного рода бедствий как проявление Божьего гнева проходит через всю русскую средневековую письменность и переходит в печатные издания нового времени. Наказанию подвержены не отдельные люди, а гнев приходит на всю землю. Несмотря на повторявшиеся со стороны епископата призывы к покаянию, во время бедствий имел место поиск виновных и расправа над ними. Здесь соединялись архаичные, идущие от язычества, и христианские представления. В русской книжности сложился концепт о наказании земли за грехи правителей. Другой, более книжный характер, имел концепт о виновности епископов в несохранении церковных правил.

Жестокие меры, предпринимавшиеся в раннее новое время с целью ограничения распространения моров, шли во многом в разрез с традиционными концепциями и не стали в этот период предметом культурного осмысления.

„Preto na nás prišiel Boží hnev, mnohé tresty aj posledný súd“ (k problematike chápania krízových situácií v pravoslávnej literárnej tradícii)

Jelena V. Beľakovová

Článok sa venuje téme Božieho trestu v staroruskej písomnej kultúre, v ktorej sa kombinuje archaické a kresťanské vnímanie sveta. Podľa interpretovaný prameňov tvrdia, že „Boží hnev“ prichádza ako odplata za nedodržiavanie prikázaní, zatiaľ čo trest príde nie na jednotlivca, ale na celú Zem. Zem je Bohom potrestaná i za hriechy vládarov. Z byzantskej literárnej tradície sa rozšírila aj predstava o tom, že za nedodržiavanie prikázaní zodpovedá biskup, čo sa odrazilo aj v rukopisnom i tlačennom texte ruskej Kormčej knihy. V Ponaučení biskupom sa opakovane poukazovalo na potrebu pokánia, no prakticky sa spravidla hľadal vinník konkrétnej krízy, nešťastia či prírodnej katastrofy. V 16. storočí sa v spojení s morovou epidémiou začali prísne uplatňovať karanténne opatrenia, ktoré boli v rozpore s konvenčným vnímaním sveta. Práve patriarcha Jozef a patriarcha Nikon vo svojich ponaučeníach vysvetľujú spôsoby prekonávania krízy a epidémie.